

— А на следующий день вечером (или в тот же вечер?) я уехал поездом в Ленинград. С одной защиты на другую. Там Лариска Зеленкова защищалась как раз. Приехал я утром, а защита у неё после обеда в главном корпусе, на геологическом факультете. Первым делом я, конечно, в Совет к Лене Герасименко. Так, мол, и так, был в ВАКе, они говорят - месяц назад вам уведомление о напечатании объявления послали.

— А мы ничего не получали, - развела руками очаровательная Лена. Как Саша Волосевич и предсказывала. Ну, да ладно.

— А чего делать-то теперь? - спрашиваю.

— Теперь надо созвать наш Совет, чтобы он назначил срок защиты. А впрочем, ведь это можно сделать как раз сегодня, сегодня же у нас защита Зеленковой!

— Но у меня нет никакой бумажки из ВАКа, что объявление будет напечатано в четвёртом номере.

— Но Вы же там были, в ВАКе? Вам сказали? Этого достаточно. Наш Совет и так поверит. Я поговорю с Новиковым.

— Ну, тогда отлично.

Лариска защищалась в том же самом Совете, где предстояло защищаться и мне. Перед началом защиты я спросил у Новикова, включён ли в повестку дня вопрос о назначении срока моей защиты. Он сказали: "Да, да, будем решать о Вас и Трошичеве". Олег Трошичев - сокурсник Ляцких, работал одно время на кафедре у Пудовкина, теперь в ААНИИ, представил докторскую уже давно, но что-то его задержало, и теперь он попадал мне в напарники.

Всегда боевая Лариска нынче явно волновалась. Болеть за неё пришла вся кафедра. Выступила она браво, но начались вопросы, и накинулся на неё Макаров - Лариска подрастерялась. А Макаров пристал не просто так. У него на кафедре радиопизики тоже занимались Д-областью и кое в чём он тут разбирался.

Суть его претензий была такова: в упрощённых моделях со всякими там "эффективными коэффициентами", которые строила Лариска, физики, мол, никакой, сплошная подгонка. И высказывал он этот тезис в своей обычной манере, ни чуть не смягчая выражений. Доля истины в этом утверждении содержалась - часть физики, действительно терялась, но и любая модель не воспроизводит и не учитывает всего. Короче, вопрос больше философский и отчасти политический, чем по существу Ларискиной работы. Просто Макарову, наверное, порезвиться захотелось, с Пудовкиным попкироваться.

Оппоненты (Данилкин и Широчков) Лариску, конечно, поддержали, но как-то вяло, поскольку оба в сущности не были специалистами по Д-области. Из докторов таковым вообще можно было только одного Данилова считать, но он подsunул вместо себя Данилкина под предлогом опять же своей причастности к ВАКу. Пудовкину слишком много говорить на защите о работе не полагалось: как научный руководитель и лицо заинтересованное он должен был характеризовать не столько работу, сколько саму Лариску. Зато мне, как лицу постороннему, не возбранялось выступать сколько вздумается, и я дважды ввязывался в спор с Макаровым.

Убедить я его вряд ли убедил, но удовлетворил самим участием в дискуссии, которая придала защите весьма нескучный характер. Лариске же, конечно, было не до развлечений и она, по-моему, струхнула. Да и болевшая за нее публика заволновалась - чего это, мол, на Глеба Ивановича накатило?

Наконец, голосование. Перерыв, курение, шушуканье, счётная комиссия считает голоса и сзывает всех слушать результаты: 11 - за, против - нет, два бюллетеня недействительны, то есть ни да, ни нет - воздержались. Это Макаров, наверное, с Новиковым. Все бросаются поздравлять Лариску, заваливают её цветами. Новиков же

просит членов Совета задержаться ещё на пару минут и решить вопрос о сроке защит Трошичева и Намгаладзе.

— Решают: последний четверг октября, 29-го числа. У Трошичева раньше не могут приехать оппоненты, мне нельзя раньше октября, а в первой половине не будет Пудовкина. Итак, срок назначен. Осталось ждать. Автореферат рассылать нужно за месяц до защиты. Оппонентов пусть сами диссертанты уведомляют. Ну, и отлично. Теперь можно и к Лариске на банкет.

— Собирались у кого-то из друзей Лариски - геологов, предоставивших ей для мероприятия цельную квартиру где-то неподалеку от Старого Невского, чтобы не тащить людей за город в Петергоф. Здесь я узнал от Пудовкина некоторые подробности новости, услышанной накануне в ИЗМИРАН - о провале Миши Власова. Пудовкин, оказалось, был на защите, он член Совета в ИПГ. Проголосовали: 7 - за, 5 - против, то есть не хватило одного голоса для необходимых двух третей. Было прислано три или четыре отзыва, частично или полностью отрицательных, последние от Кринберга и Климова. Однако больше всех навредил Мише, по мнению Пудовкина, какой-то его защитник, Полосков, кажется, который яростно и безграмотно нападал на Мишиных критиков, чем восстановил и против себя и против Миши ещё некую часть аудитории и, возможно, склонил проголосовать против того, пятого члена Совета, чей голос и решил Мишину судьбу, по крайней мере на ближайшие два-три года.

— Данилов на защите старался вести себя беспристрастно, тем более, что ему пришлось вести вторую половину заседания - председателя Совета куда-то вызвали, но, похоже, что и он проголосовал против своего бывшего ученика и соратника. Пудовкин считал, что с Мишей обошлись нехорошо, не по-человечески, ему было жаль его. Мне, пожалуй, тоже, хотя и симпатий к нему я не испытывал.

— Потом, подвыпив уже, Пудовкин вспоминал Гострема и внушал мне, что я многим Гострему обязан, и что он нас поднял и вообще сыграл прогрессивную организаторскую роль. Я не спорил.

— - А где сейчас Гострем? - спрашивали меня многие. - Чем занимается?

— - Из университета его окончательно выперли, давно уже. В последний раз он подавал на конкурс на место изгнанного Кочемировского - завкафедрой общей физики, причём подавал одновременно со своим любимым ученичком - Мишей Никитиным, дольше других его поддерживавшим. Но тут Миша своего не уступил. Да и в любом случае Гострема не избрали бы, хотя четыре голоса он получил. Теперь он вроде бы профессором-консультантом в Институте океанологии числится, а что там делает - неизвестно.

— К великой моей радости на банкете появился отец Ианнуарий. Здесь, впрочем, его никто так не называл, звали по-прежнему Димой. Он пришёл позже всех и не сразу заметил меня в застойной тесноте, а, наконец, увидев, обрадовано помахал рукой. Я пробрался к нему и попросил, чтобы он не уезжал без меня.

— - Тебе негде остановиться? - спросил отец Ианнуарий.

— - Да нет, вообще-то есть, хотя я ещё не устроился, приехал только сегодня утром. Просто хотелось с тобой поболтать в спокойной обстановке.

— - Знаешь, Сашенька, у меня сейчас остановился один молодой человек - Володя, с Сахалина, и, боюсь, вам будет не очень удобно.

— В восьмиметровой комнате отца Ианнуария действительно трудно с удобством устроиться на ночлег более чем двум человекам.

— - А, ну хорошо, я тогда у Ларисы остановлюсь.

— Лариска, слышавшая отчасти наш разговор, воскликнула, обращаясь ко мне:

— - Ты куда это собираешься? Едем ко мне, что за разговоры.

— - Сашок, а ты когда уезжаешь? - спросил отец Ианнуарий.

— - Ещё не знаю, билет смог взять только на третье, но постараюсь улететь раньше.

___ - Слушай, приходи ко мне в понедельник, посидим, выпьем, поговорим. Я часам к пяти освобожусь.

___ - Спасибо, договорились. Приду к пяти.

___ - И я с Сашкой приду, - заявила Лариска. Я с неудовольствием посмотрел на неё.

___ - Чего ты на меня косишься? Я тоже Димулю сто лет не видела.

___ К концу пирушки я разболтался с Димочкой Понявиным и его молодой женой, тоже выпускницей кафедры, под стать Димочке привлекательной особой. Делился опытом семейной жизни, хвастался: у нас с Сашулей, мол, сейчас пора ренессанса любви. Так оно, пожалуй, и было. Уж не знаю - с чем связано. Может, с участвовавшими длительными отлучками, тревогами из-за защиты?

___ После банкета ночевать поехал в Петергоф к Лариске, вместе с ней и Аллочкой Ляцкой. Там ещё продолжили чуть ли не до утра, благо дети Ларискины у её родителей в Песочной были.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыбаолова-любителя"](#)